

Павел ПЕТРОВ (ПОЛ)

НЕМНОГО О ЖАКЕ

*Где наша жизнь течет рекой,
Летит стрелой аборигена!
И Бродский падает с колена
Как Пушкин
Или Трубецкой!
Встает и падает мгновенно,
И сердце трогает рукой...*

Поэма НЕЯ-НОЯ
Жак Мантэки

Андрей Петрович Рогов родился в Томске 15 февраля 1971 г. в семье геолога. Отец семью вскоре оставил, мать уехала в Новокузнецк к родителям. Бабушка Андрея была из Восточной Украины, а дед – испанцем. Можно только предполагать, как он оказался в Кузбассе. По семейной легенде, он прошел лагеря. Дед уехал в Европу после смерти Франко, а в 1990-е прислал внуку записку: «Мы многим обязаны этой стране, но помни, ты – испанец».

Андрея воспитывали бабка с матерью. У матери получалось хуже, у бабки – лучше, но в целом мальчик остался непокорен. Трудный ребенок не закончил школьный курс, несколько лет обучался в ПТУ на родине, в Москве и Ленинграде, где в конце концов и закончил его по специальности сварщик (1991). До 1993-го Андрей с перерывами работал на Кузнецком металлургическом комбинате, а после до конца своей жизни занимался исключительно художественным творчеством.

Входил в состав «Цеха бездарных поэтов» как *Андрей Ширяев*. Деятельность «Цеха» проходила в соседнем культурном центре – городе Кемерово, где были университет и хиппи. Также в «Цехе» состояли Максим Уколов и Владимир Мазан (на афишах «Цеха» – «В.Мазан»). Соответственно своим фамилиям и псевдонимам поэты и жили. Самый молодой из них – Володя Мазан – вскоре повесился по неясным причинам. Недолгое сотрудничество с Е. Гришковцом и театром «Ложа» кончилась конфликтом. Кемеровское ТВ сняло программу о «Цехе», но развития это не получило в основном из-за постепенного выпадения из реальности Максима Уколова – главной движущей «Цех» силы, единственного поэта, которого гордый Андрей признавал себе равным.

Параллельно «Цеху» была основана «Республика Джа» – музыкально-поэтическая коллаборация с крайне непостоянным составом. Андрей пробовал писать песни:

*Деньги – это придуманный способ обмана
Для растамана деньги – марихуана.*

В 1995 г. Андрей Ширяев меняет творческий псевдоним на *Джакобо Мантэки* или просто *Жак*. Ширяев – поэт нового Серебряного века, современный Игорь Северянин. Жак – растаман из маленькой Голландии, на ломаном русском поющий про деньги. С этой песней и под этим именем Жак выступает осенью 1995 г. на концерте «Умки и Броневишка» в московском клубе «Дебаркадер». Зимой Жак забирает часть своих рукописей из Новокузнецка, куда больше никогда не вернется, и едет в Москву на фестиваль в честь дня рождения Боба Марли (6 февраля 1996 г., клуб *Island*). С группой «Остров» и песней «Деньги» он производит на многих сильное впечатление как яркий «корневой» растаман из продвинутой Европы. Некоторое время он участвует в проекте с Александром Дельфиновым (Дельфин) одним из основателей группы *Jah Division*. Сотрудничество заканчивается неудачным грибным трипом, по результату которого Жак уезжает в Питер, расставшись не только с Москвой, но и с гражданской женой Натальей Боканович, с которой прожил около трех лет.

В Петербурге Жака ждала купленная мамой квартира в Рыбацком, но он все равно жил по впискам. Чудом состоялась запись песни «Деньги» с группой *Markscheider Kunst* (о которой условились на том же концерте в *Island*’е): Жак забыл о дне и часе, но его случайно встретил на улице гитарист и привел в студию с полуторачасовым опозданием.

В создании окончательного варианта песни помимо музыкантов *Markscheider Kunst* принял участие «патриарх» питерской регги-сцены *Dr. I-Bolit (Айболит)*. Жак исполнял с *Markscheider Kunst* «Деньги» и еще одну песню – «Кокейро» – на концертах, но в целом сотрудничество не получило развития. Песня «Деньги» вошла в их альбом «Санкт-Петербург – Киншаса», вышедший в том же 1996-м. В 1999 году в Москве режиссером И. Злотником был снят клип, который имел некоторый успех на русском MTV. В записи был опущен наиболее крамольный куплет про 228 статью УК, а в клипе почему-то не было ни Жака, ни Айболита. Не было их и в титрах к ролику, была только надпись «В съемках должны были участвовать растаманы, но они не смогли рано проснуться».

У Жака к этому времени были серьезные проблемы с психикой, и он начал с «предателями» самостоятельную борьбу: пришел на репетиционную точку требовать компенсации с пистолетом-зажигалкой. При этом он отказывался подписывать любые документы: «Все мое творчество принадлежит Джа!».

«Кипучий лентяй», Жак, живя в Петербурге, ничего не смог бы начать и толком закончить, если бы не продолжал привлекать к себе людей. Новых участников «Цеха», правда, так и не прибавилось: Максим Уколов несколько раз приезжал в Питер, но все больше торчал, и в 2001 г. погиб в родном Кемерово от дозы поддельного героина. Однако нашлись люди, готовые помочь Жаку составить и издать первую книгу стихов, подыграть ему в составе «Республики Джа». Как некоторые из них вспоминали позже, они испытывали тогда чувство душевного подъема – появился настоящий поэт! И тусовочная жизнь приобрела смысл.

Составленная из старых стихов и новой поэмы «НЕЯ-НОЯ», книга должна была печататься на единственном доступном принтере – принтер стоял в Институте подростка при мэрии Санкт-Петербурга, где работал Паша Горячев. Как «трудный подросток», Жак прекрасно вписался в сферу работы Паши, попросту подружился с ним. Паша стал и первым гитаристом новой «Республики Джа». Первый макет книги предполагал рисунок к каждому стихотворению и свой рукописный шрифт, каждый раз разный. Марина, художник, рассказывает, что макет был уже готов, когда выяснилось, что Пашин принтер не позволяет напечатать его адекватно.

– Жак, давай отложим до осени, – сказала Марина. – Я сдам переводные экзамены в «Мухе», переработаю макет, глядишь, и с принтером что-то изменится.

– А тогда мне нахуй это не надо, – сказал Жак. – Издавай картинки отдельно, а стихи – отдельно.

– А тогда и мне это на хуй не надо, – ответила Марина и отнесла всю пачку рисунков на помойку.

Книгу напечатали без картинок и шрифтов с одной черно-белой фотографией Пьеро на обложке. Презентация была устроена 22 мая 1998 г. в галерее «Борей» на Литейном. Помимо стихов и песен с участием друзей и неизбежного Айболита в галерее были представлены рисунки Фила и Сосиски (Жени Савицкого). Гордый автор раздавал напечатанные и сшитые вручную экземпляры книги и всерьез воспринимал свою маленькую популярность уличного фрика с Невского проспекта. Он действительно был очень хорош, когда читал свои стихи. Скажем так: его стихи становились очень хорошими именно в его исполнении. Что Невский, – Жак читал свои стихи на столах пивных с большим успехом. Так он представлял себе свою карьеру: выступления в ресторанах и жизнь за счет поклонников и поклонниц.

Естественно, он хотел признания не только уличной толпы, но и близких по духу людей. С 1996 г. Жак ездил на фестиваль «Радуга» (Rainbow). Изначально, в 1972 г., его основали американские хиппи. Позднее движение распространилось в Европе, а с 1992 фестиваль стал проводиться и в России. Лежащая в его основе идея – съезд «свободных индейских племен», «раскуривание трубки мира» и жизнь без ущерба окружающей природе в обстановке взаимной терпимости. В России сначала на «Радугу» ездили любители эзотерики, «космических вибраций» и чистой жизни вдали от города. Однако в 1995-м на нее проникли хиппи и прочие молодые неформалы. «Радужный» быт изменился. В 1996 г., когда Жак приехал на реку Вуоксу чтобы, как он сам выражался, «объявить об идеалах “свободы, равенства и братства”», дело дошло до раскола. Эзотерики ушли со словами «Если на “Радуге” появились наркотики – появятся и менты». Жак был как будто создан для «Радуги», где каждый стремился превзойти других в оригинальности. Песня «Деньги» стала народной и пелась у каждого костра. «Радуга» 1998 г. проходила на станции Мшинская недалеко от города Луга. Большой поселок с цыганским табором по соседству, непроходимые болота и узкоколейная дорога бывших торфоразработок, ведущая к небольшому (пара км²) пятачку суши. К середине августа сюда съехалось до тысячи человек, причем треть из них – иностранцы. Помимо национального – субкультурное разнообразие, от панков до рейверов. Много музыкантов, красивых девушек и доступных наркотиков, которыми все делятся друг с другом. Лагерь поделен надвое: «Бронкс» – палаточный городок, где живет большинство, и «типивилледж», где стоят типи, жилища «настоящих индейцев» (см. песню группы «Ноль»). У Жака нет своего типи – для этого он слишком большой раздолбай. Хотя по возрасту и опыту он вполне уже может быть «индейцем», но что-то ему мешает. Он хочет признания этих людей, их мнение дорого для него, но подчиняться правилам и ритуалам... нет, ни за что!

Стихов и песен теперь мало – в 1998 г. Жак либо молчит, либо говорит очень странные вещи. Он все делает наоборот, как *хиок* – дурачок из индейской деревни. Юродивый, ритуальный клоун, Жак говорит задом наперед, хочет противоположное заявленному и до смерти пугает знакомых барышень, начиная, как в пущенной назад пленке, медленно двигаться в противоположном направлении. В его бедной голове – точный сценарий фильма с ним самим в главной роли. Но вот другие почему-то со сценарием не ознакомлены. Реальность окончательно перестает его слушаться. Передознувшись, Жак добился «обнуления» организма. «Мухоморов обьелся, всех проклял и задом ушел в лес, опираясь на клюку», – так рассказывают в народе. Люди видели его в лесу голым, на четвереньках, способным разговаривать разве что со мхом, причем только отдельными буквами – язык распался. Видимо, это продолжалось не один день.

Потом предсказание эзотериков сбылось – на «Радуге» появились менты. Не просто менты – вертолеты, ОМОН с автоматами и овчарками. Всех выписывали крайне жестко. Сам Жак вряд ли это заметил – он воевал на болотах со своим ОМОНОм. Два дня спустя после разгона он вышел к соседней железнодорожной станции избитый, в грязной,

порванной одежде, с выдранными дрэдами, медленно, с трудом подбирающий слова. В электричке случайно встреченным друзьям на все вопросы отвечал только:

- Был на болотах, с вороной разговаривал. А змею убил и съел. Зачем я змею съел?
- А чего ты избитый?
- Змея хвостом задела.

В Питере он добирается до дружеской вписки, где две недели его кормят с ложечки. Когда он начинает выбираться в коридор коммуналки, становится опасно: соседи могут вызвать милицию или медбратьев – он явно бредит. Жаку покупают билет на поезд в Киев, где в тот момент со вторым мужем живет его мать. Он не уедет в Киев – его заберут прямо на вокзале и отвезут в Гатчину, в больницу имени Кащенко.

Оттуда он выходит к весне следующего, 1999-го г., и постепенно оживает. В это время его менеджером (насколько это вообще возможно) становится Рутман – он, как и Жак, стер свое настоящее имя, но был более практичным. Рутман работает в крупной нефтяной компании программистом. Зарплата позволяет ему арендовать мансарду на Васильевском острове, где проходят репетиции «Республики» и поэтические вечера Жака. Главное – идет запись первого альбома. Тусовка съедает работу, всегда что-то отвлекает. В результате почти все партии записаны у звукорежиссера Леша Добровольца дома по одной: чудеса звукорежиссуры прикрывают отсутствие ансамбля (запись и ее обработка продолжаются до 2001 г., когда Рутман уезжает в Москву и публикует рабочий вариант материала под названием «Покупать, Продавать, Давать – Нельзя!»). Проходят первые концерты «Республики Джа», на которых появляется гитарист Леша (Мучачо) Лукьянов – единственный постоянный участник группы в дальнейшем.

Концерты проходят по-разному. Жак может прийти и сказать:

- А сегодня я не буду петь! Я буду танцевать.

Он продолжает эксперименты с собственным сознанием, и это имеет последствия. С мансарды он переезжает на чердак, где вьет гнездо большой птицы. Ночью птице холодно – он складывает каменный очаг. Он крайне аккуратен. Соседи, однако, вызывают пожарных. Пока те ломаются в двери, огонь тушат, и опасность минует. Через два дня Жак выходит на улицу с тремя тетрадами стихов поэмы о Вороне, написанной, видимо, под впечатлением от Мшинской. Кроме того, у него с собой непальские ароматические палочки, он голый, но в шерстяных трехцветных растаманских носках, на плечах его два полотенца.

Жак складывает у подножия памятника пожарным на Большом Проспекте Васильевского острова свои тетради, поджигает их и свои ароматические палочки и нарезает ритуальные круги вокруг. На 25-м его снимают вызванные соседями милиционеры, которые передают его в очередную психбольницу.

Рутман, оперативно вмешавшись, нашел Жака на следующий день и через две недели смог вытащить его на свободу. В качестве объяснения Жак сказал только:

– Ночью я понял, что бездарен. Кроме того, я хотел принести извинения этим благородным людям, пожарным.

Работа над поэмой была возобновлена, и что-то удалось восстановить. Но, по-видимому, не удалось восстановить сюжет – нить, связывающую текст общим замыслом. Осенью Жак принес Рутману текст, с которым вы здесь ознакомитесь, и сказал:

- Забери себе, а то я опять сожгу.

Через пару недель он сам попросил поместить себя в больницу. Но хорошее лечение подразумевает активное участие больного в процессе выздоровления: Жаку надо было соблюдать режим, вовремя есть таблетки, не пить, не торчать. Главное – ему нельзя было заниматься творчеством, потому что это снова запускало весь цикл. Бурный подъем, новый состав группы, девушка, поэма, песня, концерты – и очередная катастрофа, все рушащая. Альбомы записывались кое-как, с девушками Жак вел себя ужасно, творчество становилось все безумнее.

В 2006 г. Жак вновь съездил на «Радугу» на поиски «наших», «индейцев». Но встреча с молодостью не удалась. Жак никого не нашел, вернулся и погрузился в алкоголизм. Из растамана он превратился в панка, гонимого отовсюду. Хотя он все еще пытался петь и читать стихи на Невском, большую часть времени он проводил в районе клуба-котельной «Камчатка», где стал своим у вечно пьяных завсегдатаев. Пару раз Жак там даже выступал. В конце концов его прогнали и оттуда. Зимой 2008-2009 г. Жак жил одно время в туалете на Богословском кладбище, недалеко от могилы Цоя. В туалете было тепло, а киноманы, уже почти 20 лет бухающие у могилы павшего кумира, могли и налить. Весной 2009 г. Жак в последний раз попал в психбольницу. Мать отказалась от опеки над ним, и его «взяли на постоянку» в ПНИ-6 (Психоневрологический интернат в Новом Петергофе). Тут Жак провел год. Весной ему «повезло»: он смог перескочить через ограду и сбежать. В калсынах и тапочках встретил милицейский патруль:

– Мужики, помогите, я от бабы сбежал.

– Куда тебя подвезти?

Жака отвезли до города, и он пошел через центр в «Камчатку», потому что больше идти было некуда. Ему нашли «малину» где-то на Пискаревке, дали травы и бумаги – он писал стихи! Было ему, видимо, очень плохо. Люди, у которых он ныкался, затеяли вечеринку, и когда та дошла до апогея, Жак сказал:

– Смотрите все!

Поставил по центру зала табуретку – прямо под торчащий из потолка крюк, намотал на крюк скотч (веревки не нашлось) и сделал петлю. С петлей на шее, взмахнув рукой, сказал только одно слово:

– Введенский!

После – прыжок и общий шок.

Было это 23 мая 2010 г. Тело подбросили на скамейку в парке. Документы были в кармане. Жака вскоре опознали, и мать смогла его похоронить.

*...Введенский в петле плясал
Маяковский пулю сосал...*

Ночь (посвящается Александру Введенскому)
Егор Летов

Комментарий к поэме

Около 20 лет рукопись пролежала на антресолях у сестры Рутмана – своих антресолей у него так и не появилось. О поэме забыли, хотя первая часть не раз исполнялась автором как самостоятельное произведение (есть аудиозапись). Вообще Жак был склонен к весьма вольному обращению с собственным творчеством, и рукописные листочки, на которых зафиксирован текст, напоминают набор карт Таро или элементов для складывания стихотворного пазла. Рутман, однако, утверждает, что вид листочков обусловлен их происхождением: обрезки бумаги из академического издательства СПбГУ, куда он тогда устроился программистом. Рукопись имеет рабочий, слегка засаленный вид. Кроме стихов, в пачку вложен тетрадный листок с профилем Жака – похоже, автопортрет, хотя, возможно, это нарисовал Бармалейкин (см. дальше).



Друзья вспоминают, как накрытый порывом вдохновения Жак бросал тусовку и прятался в соседнюю комнату, а после выскакивал с вопросом: «Кто такой Пифагор? А еще какие были философы?»

Когда он читал стихи, это казалось импровизацией, и листочки, на которых записана поэма, для кого-то разрушают легенду о поэте, который часами мог говорить стихами, не повторяясь.

– Зачем ты все записываешь?

– Но иначе я все забуду.

Видимо, что-то сидело в памяти особенно крепко, потому что даже отдав рукопись и отсидев в больнице, он смог восстановить часть текста, исполнял его в дальнейшем, записав еще несколько вариантов поэмы-кантаты.

Комментировать общекультурные цитаты и аллюзии я не буду. А вот что касается непосредственно жизни Жака и его друзей:

«Радуга» – не столько природное явление, сколько социальный эксперимент. На фестивале тогда действительно была своя «божба» – «Святая Радуга»!

Адмирал – Максим Уколов, поэт и друг. Полный титул – *Князь-Адмирал*. «Князь поэтов» с 1992 г., когда нечаянно выиграл поэтический конкурс в КемГУ. Адмирал с 1996г., когда «в тапочках и трикошках» вышел за хлебом в Кемерово и, встретив какого-то знакомого, внезапно уехал в Москву, а оттуда – на рейв-фестиваль в Крыму на территории брошенной АЭС («Казантип»). Приехав туда, по сути, полуголым, быстро нашел источник дохода: развлекал отдыхающих на прогулочном катере – работал «Адмиралом». До этого Максим успел отслужить в армии и несколько лет отработал учителем в средней школе.

Ворон – Рутман говорил: «У нас были “Спокойной ночи, малыши”. Жак был то Хрюшей, то Каркушей. Набедокурив, говорил: “Приходил Хрюша и все испортил”. А когда он Каркуша – он просто перестает говорить и только каркает. Страшно, когда твой друг сходит с ума». Скорее всего, в первой (сожженной) версии поэмы теме ворона было уделено больше места.

Наташка – Энка, Наталья Боканович, журналистка из Кемерово. Первая и единственная настоящая любовь Жака, которую он потерял и о которой вспоминал до конца жизни.

Бармалейкин – Так Жак называл Арзамаса – татуировщика, художника и панка из города Саров.